DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-175-192

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Д.Е. Добринская, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

На основе анализа различных теоретических позиций в рамках современной социологической теории в статье предпринимается попытка выделить и описать наиболее важные черты современного общества, которые становятся результатом беспрецедентных по масштабам и скорости распространения научно-технических новаций первых двух десятилетий XXI в. В первой части статьи рассматриваются факторы, определяющие специфику наблюдаемых социальных тенденций и изменений. Далее в рамках концепции Тройной революции данные факторы получают социологическую интерпретацию. Делается вывод о том, что современность может быть прочитана через такие ее базовые характеристики, как усложнение социальной системы, мобильность, сетевизация, усиление связанности и цифровизация. Эти качества современности демонстрируют наступление эпохи цифрового общества.

Ключевые слова: сложность, мобильность, сеть, связанность, цифровизация, цифровое общество.

DIGITAL SOCIETY: SOCIOLOGICAL PERSPETIVE

Dobrinskaya Darya E., Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: darya.dobrinskaya@gmail.com

Based on the analysis of various theoretical positions in the framework of modern sociological theory, the article attempts to identify and describe the most important features of modern society. These features result from scientific and technical innovations of the first two decades of the 21st century, which are unprecedented in their scale and speed. The first part of the article discusses the factors that determine peculiarities of the observed social trends and changes. Further, within the Triple Revolution concept, these factors receive a sociological interpretation. It is concluded that modernity can be read through its basic characteristics such as: growing complexity of the social system, mobility, network expansion, increased connectedness and digitalization. These characteristics of modernity demonstrate the onset of the era of digital society.

Key words: complexity, mobility, network, connectedness, digitalization, digital society.

* Добринская Дарья Егоровна, e-mail: darya.dobrinskaya@gmail.com

Предпосылки наступления эпохи цифрового общества

Эксперты Всемирного экономического форума указывают на три особенности разворачивающейся в настоящее время Четвертой промышленной революции. Такими особенностями являются беспрецедентно высокие темпы развития технологий, широта и глубина технологических изменений и системный характер оказываемых этими изменениями воздействий. Как полагают авторы концепции Четвертой промышленной революции, размах, масштаб и скорость изменений этих технологий в будущем могут изменить ход истории¹. Такой вывод сделан на основе анализа последствий развития и распространения новейших технологий в рамках так называемых “мегатрендов”, охватывающих развитие цифровой инфраструктуры, преобразование физического мира и расширение возможностей человеческого тела. Суть концепции состоит в том, чтобы продемонстрировать возможности и риски, связанные с развитием новых вычислительных технологий, технологии блокчейн и распределенного реестра, интернета вещей, искусственного интеллекта и роботизации, использования новых материалов, развития аддитивного производства и многомерной печати, биотехнологий, нейротехнологий, средств виртуальной и дополненной реальности, новых энергетических возможностей, технологий геоинженерии и космических технологий².

Интерес представляет японская концепция супер-интеллектуального общества, “Общество 5.0”, которая стала ответом на предложенную европейскими экспертами концепцию Четвертой промышленной революции. Общество 5.0 — это ступень, следующая за информационным обществом, развитие которого обусловлено технологиями *big data* (“большие данные”). Новые технологии создают условия для интеграции физического пространства и киберпространства, что позволяет оптимизировать использование ресурсов не только на уровне каждого отдельного индивида, а на уровне всего общества³. Суперинтеллектуальное общество становится таковым, поскольку интернет вещей, искусственный интеллект, робототехника и большие данные используются не только в сфере бизнеса и производства, а пронизывают все области жизнедеятельности современного общества, заключают авторы концепции.

В экспертно-аналитическом докладе “Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России”⁴ предлагается использовать

¹ Schwab K., Davis N. Shaping the Fourth Industrial Revolution. N.Y., 2018.

² См.: Schwab K., Davis N. Shaping the Fourth Industrial Revolution. N.Y., 2018; Brynjolfsson E., McAfee A. The Second Machine Age: work, progress, and prosperity in a time of brilliant technologies. N.Y., 2016.

³ Норицугу У. Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегии. 2017. № 4. С. 3.

⁴ Княгинин В.Н. и др. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад. М., 2017.

термин “новая технологическая революция” для описания ключевых характеристик современных технологических трансформаций. Такими характеристиками являются:

- передовые производственные технологии (компьютерное проектирование, создание новых материалов и способов их обработки);
- цифровизация как революционные изменения в потребительских свойствах продуктов;
- платформизация, которая кардинальным образом изменит архитектуру рынков, функционал компаний и существующую систему разделения труда⁵.

Уже сегодня последствия начавшихся трансформационных процессов в различных сферах общественной жизни начинают широко проявляться. Речь идет об экономике, политике, культуре, геополитической обстановке в мире и проблемах международной безопасности, а также о возникновении новых форм социального неравенства и конфликта, специфике оформления современных сообществ и особенностях конструирования идентичности современного человека.

“Тройная революция”: в 2000-х — социальные сети, интернет и мобильные коммуникации, в 2010-х — машины, платформы, толпа

Современная социальная реальность обладает рядом специфических характеристик, качественно отличных от того, что представляло собой общество еще несколько десятилетий назад. Как справедливо отмечает Г.В. Осипов, социальная реальность является результатом человеческой деятельности. Научно-технические достижения не только создают новые технологии, но и преобразуют современный социальный мир, вступивший в эру “электронно-цифровой цивилизации”⁶. Эти преобразования проявляются в появлении новых черт современности: *комплексность, мобильность, сетевизация, глобальная супер-связанность и цифровизация*. Цифровая экономика, цифровая политика, цифровые коммуникации, виртуальные сообщества, киберпространство и виртуальная реальность, сетевая идентичность — вот далеко не полный перечень терминов, которые прочно вошли в научный обиход современных социальных наук, а некоторые уже теряют свою актуальность⁷.

⁵ Идрисов Г.И., Идрисов Г.И., Княгинин В.Н., Кудрин А.Л., Рожкова Е.С. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 9–10.

⁶ Осипов Г.В. Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации. СПб., 2016. С. 8.

⁷ Так, еще недавно повсеместно используемое понятие “киберпространство” подвергается критике, ввиду того неоспоримого уже сегодня факта, что онлайн-среда и оффлайн-среда неотделимы друг от друга (См. об этом: *Chayko M. Superconnected: the Internet, digital media, and techno-social life. Newbury Park, 2017; Lupton D. Digital sociology. N.Y., 2015*).

В социологии появилось большое число дискуссий, в рамках которых стал обсуждаться вопрос об адекватности применения существующего методологического инструментария для описания современного общества⁸. Появляются такие его определения, как постиндустриальное, информационное, общество знания, сетевое общество и, наконец, цифровое. Все большую актуальность приобретают междисциплинарные научные исследования, а системная теория уже не способна реализовать свой объяснительный потенциал. Оформляется междисциплинарная парадигма комплексности, которая характеризуется ключевой ролью изучения сложности, неопределенности, непредсказуемости и рисков⁹.

Канадский социолог Барри Уэллман и американский исследователь Ли Райни в работе “Связанные сетью: новая социальная операционная система”¹⁰ описывают оформление нового социального порядка как результат воздействия движущих сил Тройной революции (Triple revolution)¹¹. Такими революционными силами, по мнению ученых, стали *социальные сети, интернет и технологии мобильной коммуникации*.

Распространение *социальных сетей* в большей степени связано с изменением социальных отношений между индивидами, нежели с технологическими изменениями. Социальные сети между людьми существовали на протяжении всей человеческой истории, однако в последние десятилетия число социальных сетей и интенсивности взаимодействий внутри этих сетей значительно возросло. Основываясь на принципах анализа социальных сетей, Б. Уэллман и Л. Райни показывают, что современное общество представляет собой новую социальную систему, для которой характерен сетевой индивидуализм¹². Социальные отношения сетевых индивидов выходят за границы сплоченных, тесно связанных групп. Основой современного социального порядка становятся многочисленные социальные сети, отличающиеся по целям и характеру функционирования, составу участников, интенсивности социальных связей и отношений. Каждый индивид является участником большого

⁸ См.: Полякова Н.Л. Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 29–46.

⁹ См. об этом: Urry J. Global Complexity. Cambridge; Oxford, 2003.

¹⁰ Rainie L., Wellman B. Networked: the new social operating system. Cambridge, 2012.

¹¹ Интересно, что впервые термин “тройная революция” был предложен в 1964 г. в открытом меморандуме, адресованном американскому президенту Л. Джонсону, в котором крупнейшие ученые и общественные деятели США описывали три революционных тренда XX в., фундаментальным образом изменяющих современную цивилизацию. Речь шла о революции в области компьютеризации, о революции в сфере вооружения и о революции в предоставлении гражданских, политических и социальных прав и свобод (См.: Triple Revolution: cybernation. Weaponry. Human Rights // Liberation. 1964. С. 9–15. URL: http://www.educationanddemocracy.org/FSCfiles/C_CC2a_TripleRevolution.htm (accessed: 05.05.2019)).

¹² Rainie L., Wellman B. Networked: the new social operating system.

числа разнообразных сетей, набор которых определяет он сам. В этом и проявляется суть явления сетевого индивидуализма. Таким образом, технологические изменения, проявляющиеся в расширении возможностей для коммуникации посредством информационно-коммуникационных технологий (сайты социальных сетей, мессенджеры, электронная почта и т.п.) вкуче с усилением индивидуализации и личной автономии, создали условия для распространения социальных сетей.

Изобретение *интернета* авторы называют новой социально прорывной технологией. Именно интернет-технологии позволили человеку стать более автономным и независимым, с одной стороны, и более связанным в рамках различных социальных сетей — с другой. Интернет сделал возможным поиск необходимой информации и создание контента, позволил формировать сильные и слабые связи внутри различных сообществ и т.п. Авторы показывают, что именно распространение интернета стало решающим фактором в понимании того, что для современного человека означает быть частью социальной сети, поскольку и в социальном плане, и в технологическом социальные сети стали важной частью повседневного опыта.

Взрывной рост числа различных *мобильных устройств* (телефонов, смартфонов, беспроводных ноутбуков, планшетов, умных часов) отражает их место и роль в повседневной жизни. С распространением приложений для смартфонов эти мобильные устройства приобрели совершенно новые качества, превратившись из простого средства связи в незаменимого помощника в повседневных практиках. Мобильный интернет усилил связанность и способствовал расширению социальных сетей, что, в свою очередь, укрепило позиции сетевого индивидуализма. Постепенное расширение функциональных возможностей смартфонов (создание видео- и фото-контента, использование сайтов социальных сетей и ведение блогов, онлайн-игры, покупки в интернете и т.п.) сделало мобильные устройства важным элементом социальной жизни, а облачные технологии и синхронизация коммуникационных устройств обеспечили возможности быть постоянно “на связи” и иметь доступ к необходимым ресурсам из любого места и в любое время.

В недавней работе американских исследователей Э. Макафи и Э. Бриньолфсона “Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее”¹³ также показаны три масштабные тенденции, которые влияют на становление цифрового мира. Наступление эпохи, которую исследователи называли “второй эрой машин”¹⁴ происходило в два этапа. На первом этапе (середина 90-х гг. прошлого века) благодаря развитию цифровых технологий было автоматизировано выполнение большего

¹³ Brynjolfsson E., McAfee A. Machine, platform, crowd: harnessing our digital future. N.Y., 2017.

¹⁴ Brynjolfsson E., McAfee A. The Second Machine Age: work, progress, and prosperity in a time of brilliant technologies. N.Y., 2016.

числа рутинных операций (в промышленности, в обработке данных, в вычислениях и т.п.), что значительным образом увеличило производительность труда. Второй этап становления цифровой эры (начался в 2010-е гг. и продолжается в настоящее время) связан с тем, что современные технологии стали делать то, что, как казалось раньше, невозможно программировать (победа в игре го, точная диагностика заболеваний, естественное взаимодействие с людьми, участие в творческой работе (создание музыкальных произведений, проектирование предметов)). Таким образом, современные машины не просто четко выполняют запрограммированные инструкции; они учатся самостоятельно решать задачи¹⁵, заключают авторы. Кроме того, распространение мощных компьютерных устройств происходит невероятными темпами, что в том числе позволяет большинству людей стать связанными и иметь доступ к огромным массивам знаний и информации, а также вносить свой вклад в создание контента.

Можно найти параллели в концепциях “тройной революции” Уэллмана-Райни и Макафи-Бриньолфсона. Фундаментальные изменения, которые рассматривают Э. Макафи и Э. Бриньолфсон также связаны с социальным взаимодействием, развитием коммуникационных технологий и процессами компьютеризации. Три ключевыми тенденциями “тройной революции” 2010-х гг., становятся по мнению американских ученых *машины*, *платформы* и *толпа*. Первая тенденция связана с быстрорастущими и расширяющимися возможностями *машин* благодаря развитию искусственного интеллекта и способности современных машин к самообучению. Вторая тенденция — это возникновение крупных и влиятельных компаний, *платформ*, которые не владеют собственными долгосрочными активами (материальные активы, лицензии и договоры, инфраструктурные объекты). К примеру, служба такси Uber не имеет собственных автомобилей, а Facebook не создает контент, торговая компания Alibaba не имеет собственных товарных запасов и т.п. Наконец, третья тенденция описывается учеными как “*проявление толпы*”, под которой авторы понимают весь объем знаний, опыта и энтузиазма, который распределен по всему миру и доступен в Сети¹⁶.

Таким образом, распространение социальных сетей, развитие интернета и мобильных технологий как движущие силы Тройной революции 2000-х гг., концепцию которой представили Б. Уэллман и Л. Райни, а также машины, платформы и толпа, как ключевые факторы Тройной революции, начавшейся в 2010-х гг., концепция которой разработана Э. Макафи и Э. Бриньолфсоном, определяют облик современности, характеризующейся высокой степенью сложности, мобильности, сетевизации, супер-связанности и цифровизации.

¹⁵ Brynjolfsson E., McAfee A. Machine, platform, crowd: harnessing our digital future. N.Y., 2017.

¹⁶ Brynjolfsson E., McAfee A. Machine, platform, crowd: harnessing our digital future.

Новые качества нового общества: вызовы для социологов

Комплексный характер социальной системы

Тройные революции, о которых речь шла выше, устранили пространственно-временные ограничения для коммуникации, фактически превратив “человечество в единый социальный организм, все элементы которого взаимосвязаны, взаимозависимы в рамках единой коммуникационной среды”¹⁷. Сложность современной жизни проявляется в высокой степени неопределенности, рисков, а также скорости происходящих изменений, в связи с чем социологи все чаще стали говорить о так называемом “повороте к сложности”¹⁸, поскольку “[социум] первой половины XXI века по своей сложности, неустойчивости и вместе с тем открытости намного превзойдет все, виденное нами в веке XX-м”¹⁹.

Как пишет И. Валлерстайн, “в социальных системах, самых сложных, а потому наиболее трудно поддающихся анализу системах во Вселенной, постоянно идет борьба за построение лучшего общества”²⁰. Сложность социальной действительности социолог объясняет существованием “стрелы времени”: “...все оказывает влияние на все, и со временем это все неумолимо расширяется... Вселенная развивается — живет своей жизнью — в ее упорядоченном беспорядке или в беспорядочном порядке”²¹.

Дж. Урри в перспективе теории сложных систем показывает, что все социальные системы по своей природе характеризуются “динамичностью, процессуальностью и непредсказуемостью, потому что они представляют собой открытые структуры, через которые циркулируют потоки энергии и материи”²². Речь идет о том, что граница между “естественными”, “гуманитарными” и “социальными” науками должны быть стерты²³, поскольку все они так или иначе связаны с понятием “комплексность”. Это означает, что в различных областях научных исследований динамика неравновесности систем (будь то физических, органических, механических, социальных и т.п.), множественность будущих их состояний, время, бифуркации и имманентная природа

¹⁷ Осипов Г.В. Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации. СПб., 2016. С.10.

¹⁸ Urry J. Global complexity. Cambridge; Oxford; Boston, 2003; Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004; Кравченко С.А. Социологическая “стрела времени” в XXI веке: инновации в материалах Всемирных социологических конгрессов // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 4. С. 84–104.

¹⁹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004. С. 5.

²⁰ Там же. С. 13.

²¹ Пригожин И.Г. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск, 2000. С. 284.

²² Урри Дж. Как выглядит будущее? М., 2018. С. 92.

²³ См.: Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004; Wallerstein I. Open the social sciences: report of the Gulbenkian commission on the restructuring of the social sciences. Stanford, 1996.

неопределенности систем становятся базовыми элементами всех наук, не только естественных²⁴.

В настоящее время наблюдается ряд процессов, которые переносят “комплексные” понятия на новую “комплексную” интеллектуальную карту²⁵. Доказательством этого тезиса, по убеждению Дж. Урри, выступают:

1) быстрые и непредсказуемые перемещения денег, людей, капитала и информации по всему миру;

2) развитие коммуникационных технологий, функционирование которых создает условия для развития сетевых структур, способных к аутопойезису и повсеместному распространению;

3) возникновение “глобальных микроструктур” (антиглобалистские движения, финансовые рынки или террористические сети), в основе функционирования которых лежат формы связанности, сочетающие в себе глобальный охват и микроструктурные механизмы;

4) усложнение продуктов и технологий, наиболее ценные из которых содержат очень большое количество компонентов, а в основе их функционирования лежат принципы кибернетической архитектуры и гибридизация социотехнических систем;

5) распространение гибридных систем социальных отношений и физических объектов (здравоохранение, терроризм, глобальное потепление), что предполагает пересечение физических, биологических и социальных структур;

6) непредсказуемость событий и их последствий в пространстве-времени, в том числе “эффект бумеранга” и “эффект бабочки” (последствия финансовых кризисов, политические события в отдельных странах и их влияние на другие и т.п.);

7) нелинейные изменения в отношениях между людьми, в семьях и обществах, где практически невозможно обнаружить прямые причинно-следственные связи;

8) наличие точек бифуркации, которые понимаются как переломные периоды в развитии сложной системы, когда колебания внешних и внутренних факторов развития системы, а также непредвиденные последствия действий индивидов достигают такого критического уровня. В результате возникают неустойчивость, возможности различных вариантов дальнейшего развития системы. При этом аутопойетический характер системы позволяет ей самоструктурироваться и выйти на более высокий уровень упорядоченности²⁶;

9) восприятия всех живых организмов и материальной среды Земли как чего-то единого, как самоорганизующейся системы;

10) самоорганизация науки в глобальном масштабе.

²⁴ Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 104.

²⁵ Урри Дж. Мобильности. С. 104–106.

²⁶ Кравченко С.А. Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 148.

Поворот к сложности стал результатом открытий, сделанных А. Эйнштейном, который опроверг базовые положения ньютоновской науки, указав на отсутствие абсолютного времени. Автор теории относительности обнаружил, что время является внутренней характеристикой системы, к которой оно относится. Дж. Урри полагает, что время нужно рассматривать исторически, поскольку тогда прошлое и будущее тесно связаны с настоящим. Для анализа сложных систем важны понятия “зависимость от пройденного пути”, “пороги”, “закольцованная положительная обратная связь”, “переломные” и “фазовые переходы” и т.п. Использование этих понятий, по мнению Дж. Урри, подтверждает одинаковое понимание времени в социальных и естественных науках и дает возможности для использования инструментария социологии в целях прогнозирования будущего²⁷.

Подобно тому, как в физическом мире существует множество форм организации сложных самонастраивающихся систем, так и в социальном мире социальные системы обладают эмерджентными свойствами. Это означает, что существуют такие свойства сложной системы, которые качественным образом отличаются от свойств ее частей. Новые свойства системы могут возникать в результате конфликтов и социальных потрясений. Поэтому с течением времени системы адаптируются к трансформациям и в процессе своей самоорганизации системы эволюционируют.

Как пишут Э. Макафи и Э. Бриньолфсон, экономические кризисы и структурные изменения в экономике, когда практически мгновенного успеха добиваются стартапы и уходят в прошлое “тяжеловесы из списка Fortune”, не являются хаотичными и ничем не обусловленными. Авторы заключают, что хаос ведет к порядку, а сложность оборачивается простотой²⁸. Именно поэтому социологический поворот к сложности, который был предпринят в рамках современной социологии, становится все более востребованным.

Мобильность как основа современной социальной жизни

Современность характеризуется постоянной мобильностью всего: это не только телесные перемещения людей, но и воображаемые, виртуальные путешествия, которые дают новые возможности или, наоборот, принуждают индивидов жить более мобильной жизнью²⁹. В отличие от традиционной социологии, новое описание мобильности (которое было предложено Дж. Урри³⁰) охватывает пространство мобильности людей, предметов, циркуляцию информации, изображений и капитала; изучение инфраструктур, различных средств передвижения,

²⁷ Урри Дж. Как выглядит будущее? М., 2018. С. 112.

²⁸ Brynjolfsson E., McAfee A. Machine, platform, crowd: harnessing our digital future.

²⁹ Elliott A., Urry J. Mobile Lives // Mobile Lives. L.; N.Y., 2010.

³⁰ Урри Дж. Мобильности. М., 2012.

программного обеспечения. Поэтому современность можно понять лишь через “мобилизацию” социальных феноменов³¹. Как указывает американский социолог М. Шеллер, наблюдается «соединение чисто “социальных” проблем социологии (неравенства, власть, иерархии), пространственных проблем географии (территория, границы, размер) с проблемами антропологии, исследованиями коммуникации (дискурсы, репрезентации, схемы), сопрягая каждую из них с реляционной онтологией со-учреждения объектов, пространств, смыслов»³².

Поэтому социологии и нужен “мобильный поворот”, полагает Дж. Урри. В XX в. появилось огромное разнообразие систем мобильности (автомобили, авиация, современный урбанизм, мобильные телефоны, сетевые компьютеры и т.п.), а в XXI в. в этих системах возникли новые черты: комплексность, взаимозависимость, зависимость от компьютеров и программного обеспечения и уязвимость. Современные системы мобильности являются чрезвычайно сложными, компьютеризированными и рискованными. В результате пространственно-временной дистанциации и десинхронизации данные системы должны обеспечивать социальную и трудовую жизнь по расписанию. Необходимо организовывать “соприсутствие” ключевых “других” (сотрудников, семьи и т.п.), а также возникла потребность в персонализированных сетях, в основе которых лежит бесперебойная работа различных систем.

Основную идею парадигмы мобильности Дж. Урри представляет через описание ее отличительных черт. Так, социолог убежден в необходимости рассматривать все социальные отношения как включающие соединения различного характера, которые находятся на разном расстоянии, различаются по скорости протекания и уровню интенсивности, и включают физическое перемещение. Суть социальной жизни гетерогенна и включает различные материальные объекты, в том числе природу и технологии.

Социальные отношения никогда нельзя прочно зафиксировать и привязать к месту, поскольку они представляют собой то, что Б. Латур назвал “циркулирующими сущностями”, полагает Дж. Урри. Данное обстоятельство, делает вывод социолог, противоречит традиционным представлениям о социальных взаимодействиях лицом к лицу, по причине того, что современные средства цифровых коммуникаций позволили взаимодействовать с помощью форм “воображаемого присутствия” благодаря мобильности объектов, людей, информации и изображений. Речь идет о том, что социальная жизнь трансформируется из “бытия-рядом-с-другими” к “бытию-на-расстоянии”. Присутствие становится прерывистым и фрагментарным, оно зависит от технологического соединения и различных способов коммуникаций.

³¹ Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 73.

³² Шеллер М. Новая парадигма мобильностей в современной социологии // Социологические исследования. 2016. Т. 3–11. № 7. С. 4.

Дж. Урри показывает, что все социальные процессы основаны на пяти взаимозависимых “мобильностях”, которые организуют социальную жизнь на расстоянии и формируют (ре-формируют) ее контуры. Это:

- телесные перемещения людей (работа, досуг, семейная жизнь, развлечения, миграция и т.п.) — от ежедневных перемещений до единственного в жизни изгнания с родины;
- физические перемещения объектов между производителями, потребителями и продавцами;
- воображаемые перемещения при помощи образов мест и людей, через печатные и визуальные носители информации;
- виртуальные путешествия, часто в реальном времени, преодолевающие географические границы;
- коммуникационные перемещения с помощью средств информационно-коммуникационных технологий (электронная почта, мессенджеры, мобильные телефоны и т.п.)

Согласно новой парадигме мобильности, существуют комплексные сборки (ассамбляжи) всех этих пяти видов мобильностей, которые позволяют поддерживать социальные связи на различных расстояниях. Посредством слабых связей, формируемых в процессе периодических телесных перемещений и коммуникаций в социальных сетях, сети взаимодействий распространяются по всему миру и зависят от разного рода мобильностей. В то же время Дж. Урри подчеркивает необходимость поддержания социальных связей с помощью личного присутствия при выполнении определенных обязанностей: правовые, экономические и семейные обязанности; обязанности личного соприсутствия при подписании контрактов, а также при работе с письменными и визуальными текстами; обязанности быть на месте и напрямую что-нибудь испытать через движение и соприкосновение; обязанности вживую ощутить какое-то событие, которое происходит в определенном месте в установленное время. Важность периодических встреч — ключевой фактор поддержания устойчивых форм социальной жизни, когда большая ее часть происходит на расстоянии.

Дж. Урри констатирует, что в современных обществах наблюдается “переход от социальных отношений, базирующихся на территории и государстве, к базирующимся на информации и детерриториализации”³³, поэтому государственная власть вынуждена регулировать и контролировать мобильности различного рода, прежде всего, мобильных граждан.

В перспективе мобильного поворота Дж. Урри обращается к анализу проблемы социального неравенства, указывая на наличие неравного доступа к различным системам мобильности и каналам сетевого капитала³⁴.

³³ Кимелев Ю.А. Социология Джона Урри // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 1. С. 34.

³⁴ Мартыненко Т.С. Теория глобального социального неравенства в социологии мобильностей Джона Урри // Социология. 2015. № 1. С. 85–91.

Еще одной особенностью современных систем мобильности является их экспертизация. Ввиду их чрезвычайного усложнения пользователь становится все более отчужден от таких систем, но в то же время и все более от них зависим. Поломка системы требует участия экспертов, которые способны восстановить их работу или перепрограммировать. При этом в обществах с высоким уровнем мобильности социальные и экономические практики все больше зависят именно от сработанности и слаженности подобных систем. Людям нужно, чтобы системы были всегда “готовы-к-употреблению”.

Таким образом, мобильный поворот, предпринятый Дж. Урри, открывает новые грани социологического анализа, в основе которого лежит тезис о том, что все социальные образования от отдельного домашнего хозяйства до огромных транснациональных корпораций находятся в постоянном фактическом или потенциальном движении, а природа социальных структур не может быть прочитана вне мобильного контекста и вне связи с несоциальными, материальными объектами, которые тоже находятся в постоянном движении.

Сетевизация

В различных областях математики, кибернетики, физики, биологии и нейронауки базовой категорией анализа выступает сеть, что является вполне закономерным, поскольку сеть представляет собой модель организации, которая характерна для всего живого. Повсеместное распространение сетей в политической и экономической жизни современного общества становится результатом процессов сетевизации.

В широком смысле *сеть* — это совокупность взаимосвязанных узлов, образованная посредством пересечения вертикальных и горизонтальных линий. Структуру сети оформляют ее элементы — узлы, связи и ячейки. Тип сети зависит от того, что является ее узлами (физические объекты, люди, коммуникационные устройства и т.п.). Так, различают физические, органические, нейронные, социальные, технические и медиа сети³⁵. Как известно, ключевыми характеристиками сети являются гибкость, динамизм и открытость границ. Именно эти ее характеристики делают сетевой подход удобным инструментом для описания реалий современности.

В современном научном дискурсе “сеть” используется в разных форматах³⁶: в качестве метафоры для описания нового социального порядка; “сеть” представляет собой форму социального взаимодействия и, наконец, “сеть” применяется в качестве методологического инструмента анализа.

³⁵ Van Dijk J.A. The network society: social aspects of new media. Newbury Park, 2006. P. 24.

³⁶ Шенцева Е.А. Понятие “сеть” как объект философского осмысления // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия “Философия”. 2011. Т. 2. № 2. С. 147–156.

Причины распространения сетевой метафоры связаны, с одной стороны, с особенными характеристиками и свойствами сети, которые способны в метафорическом смысле продемонстрировать своеобразие³⁷ социальной реальности. Сетевая метафора, специфика сетевой топологии, а также характеристики сети (например, плотность и интенсивность связей) способны отразить пространственную неравномерность и динамику ткани социальной жизни. Структура сети не является статичной: количество узлов может изменяться в зависимости от потребностей сети в каждый конкретный момент времени. Процессы индивидуализации, множество связей и, в целом, разреженный характер социальной сети, фактически повторяют “пористую” структуру сети с наличием ячеек различных по размеру, по содержанию и интенсивности связей между узлами. С другой стороны, сетевая метафора стала адекватным ответом на попытки продемонстрировать новый социально-исторический фон, который складывался после произошедшей информационно-коммуникационной революции. В бизнесе и в политической сфере все чаще жесткие иерархичные модели организационного управления стали заменять сетевыми формами организации, отдавая предпочтение возможностям гибкости и скорости реакции на изменения, происходящие во внешней среде. Глобализационные процессы послужили толчком к интенсификации бизнес-контактов независимо от месторасположения контрагентов. Начал оформляться новый коннектографический порядок, именуемый глобальной сетевой цивилизацией³⁸. Новая технологическая парадигма, возникшая в результате масштабного технологического прорыва сделала возможным и эффективным анализ общественного развития по аналогии с функционированием компьютерных сетей.

Супер-связанность современного мира

Никогда в человеческой истории связанность между людьми не была такого качества ни по масштабу распространения социальных связей, ни по количеству различных способов связей. Поэтому еще одной отличительной характеристикой современности становится ее супер-связанный (superconnected) характер. Следствием супер-связанности являются новые социальные последствия, полагает американская исследовательница М. Чайко. Сегодня уже очевидно, что цифровой мир становится интегрирован в повседневный жизненный опыт. Речь идет о том, что современный человек живет техно-социальной жизнью³⁹.

³⁷ Василькова В.В. Сети в социальном познании: от метафоры к метатеории // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 5. С. 17–18.

³⁸ Вершинина И.А., Добринская Д.Е. Pax urbanica: города в условиях глобальной сетевой цивилизации // Информационное общество. 2018. № 1. С. 25–33; Khanna P. Connectography: mapping the future of global civilization. N.Y., 2016.

³⁹ Chayko M. Superconnected: the Internet, digital media, and techno-social life. Newbury Park, 2017.

Социолог предлагает несколько базовых характеристик супер-связанной цифровой среды. Одной из таких характеристик становится ее портативность, или миниатюризация. Когда портативные технические устройства (смартфоны, планшеты, ноутбуки, умные часы и т.п.) сделали возможными коммуникации в любое время и на любом расстоянии, цифровая среда стала присутствовать повсеместно, а разделение между киберпространством и физическим пространством перестало существовать. Налицо пересечение пространственных логик онлайн и оффлайн миров, что позволяет говорить о наличии так называемых социоментальных пространств, поскольку связанность имеет социальную природу и в ее основе лежит ментальная активность (даже близкие люди, находящиеся на расстоянии друг от друга поддерживают отношения между собой благодаря новым способам коммуникации с помощью технологий). А переживаемый онлайн-опыт может быть столь же эмоционально насыщенным и глубоко интимным, как и тот, который возникает при общении лицом-к-лицу⁴⁰. Социолог показывает, что дуализм онлайн-оффлайн является ложным, поскольку большинство людей используют онлайн-коммуникации, чтобы создавать, поддерживать и придавать новое измерение общению лицом к лицу. Поэтому, как правило, сильные социальные связи в Сети являются продолжением оффлайн-взаимодействий, что опровергает утверждение о разрушительном потенциале Сети с точки зрения “ухода от реальности”. В новом супер-связанном мире функционируют и техно-социальные институты (семья, медицина, образование, культура, религия, политика, экономика и т.д.).

Еще одной характеристикой супер-связанной цифровой среды, по мнению М. Чайко, являются “портативные сообщества”, которые распространяются благодаря интернету. Участие в большом числе различных сообществ (на платформах сайтов социальных сетей, блогов и т.п.) делает индивидуальный опыт уникальным, поскольку предоставляет каждому, кто имеет доступ в Сеть, бесконечное разнообразие и свободу выбора онлайн-групп и виртуальных сообществ. Это явление получило название сетевого индивидуализма, о котором пишут Б. Уэллман и Л. Райни⁴¹. Так возникает чувство “электронной близости”, поскольку интернет и новые медиа (например, сайты социальных сетей) способствуют восприятию и ощущению близости и присутствия новыми способами, которые выходят за пределы физического⁴².

Цифровой характер социальности

Термин “цифровизация” является относительно новым для социологической науки. Возникновение термина “цифровизация” обычно

⁴⁰ *Chayko M. Superconnected: the Internet, digital media, and techno-social life. Newbury Park, 2017. P. 57.*

⁴¹ *Rainie L., Wellman B. Networked: the new social operating system. Cambridge, 2012.*

⁴² *Chayko M. Superconnected: the Internet, digital media, and techno-social life. Newbury Park, 2017. P. 55.*

связывают с работой американского ученого из Массачусетского университета Николаса Негропonte, который в 1995 г. в работе “Жизнь в цифровом мире” сделал попытку описать то, что представляет собой новый цифровой мир⁴³. Н. Негропonte не говорит конкретно о “цифровизации”, но в его описании различных сфер общественной жизни лейтмотивом проходит идея о повсеместной цифровизации современного общества, в том числе о взаимодействии людей и машин, которые будут понимать, реагировать и запоминать индивидуальные особенности человека лучше, чем другие люди.

В настоящее время термин “цифровизация” используется в узком и широком смысле. В узком смысле под цифровизацией понимается преобразование информации в цифровую форму. В широком смысле цифровизацию рассматривают как “современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни”⁴⁴. Являясь результатом информатизации и компьютеризации, цифровизация становится следующим этапом развития технологий. Информатизация и компьютеризация обеспечили человечество решением отдельных задач с помощью вычислительной техники, компьютеров и информационных технологий. Цифровизация позволяет создавать целостные технологические среды “обитания” (экосистемы, платформы), в рамках которых сегодня возникает дружественное для пользователей окружение (технологическое, инструментальное, методическое, документальное, партнерское и т.п.)⁴⁵.

Оцифрованные данные, относящиеся к обычным взаимодействиям с сетевыми технологиями, включая запросы поисковых систем, телефонные звонки, покупки, взаимодействие с государственными учреждениями и банковские операции, собираются автоматически и архивируются, создавая огромные массивы данных, *big data*. “Большие данные” также включают в себя “пользовательский контент”, или информацию, которая была преднамеренно загружена пользователями на платформы социальных сетей в рамках их участия в этих сайтах: их твиты, обновления статуса, сообщения и комментарии в блогах, фотографии и видео и т.д. пользователей, поисковые термины, используемые для поиска контента, как контент распределяется между платформами.

Вероятно, в ближайшем будущем всем, имеющим выход в Сеть, будет доступна информация обо всем и обо всех. Неудивительно, что появляются концепции метрического общества, квантификации соци-

⁴³ Negroponte N. Being digital. Kent, 1995.

⁴⁴ Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 47.

⁴⁵ Там же.

ального и т.п., в рамках которых делаются попытки проанализировать социальные последствия оформления цифрового контекста современности.

Совершенно очевидно, что усложнение социальной системы, мобильность, супер-связанность, процессы сетевизации и цифровизации являются качественно новыми характеристиками современности, что свидетельствует о наступлении эпохи цифрового общества. Цифровое общество — это общество, инфраструктура которого функционирует посредством цифровых информационно-коммуникационных технологий, а базовой формой организации и социального взаимодействия являются сети. При этом “цифровое” отнюдь не является лишь технической характеристикой. “Цифровое” означает то, что жизнь современного человека, его социальные взаимодействия, культурные смыслы и значения, которыми они наполнены, определяются возможностями, предоставляемыми новейшими цифровыми технологиями. Так, Всемирная паутина, социальные медиа (сайты социальных сетей, блоги), мобильные приложения и онлайн-платформы являются не просто новыми средствами коммуникации. Они становятся средой для социальных взаимодействий. Таким образом, социальные последствия влияния технологий масштабны, обладают системным воздействием и невероятной скоростью распространения. Для изучения цифрового общества необходимо сосредоточить внимание на тех аспектах, которые долгое время находились в центре внимания социологов: вопросы самости и идентичности, проблемы власти и доминирования, проблемы социального неравенства, анализ социальных сетей, социальных структур, социальных институтов и социологической теории, в целом⁴⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М., 2004.
- Василькова В.В. Сети в социальном познании: от метафоры к метатеории // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 5. С. 11–24.
- Вершинина И.А., Добринская Д.Е. Рах urbanica: города в условиях глобальной сетевой цивилизации // Информационное общество. 2018. № 1. С. 25–33.
- Идрисов Г.И. и др. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5–25.
- Кимелев Ю.А. Социология Джона Урри // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 1. С. 25–35.
- Княгинин В.Н. и др. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад. М., 2017.
- Кравченко С.А. Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 143–155.
- Кравченко С.А. Социологическая “стрела времени” в XXI веке: инновации в материалах Всемирных социологических конгрессов // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 4. С. 84–104.

⁴⁶ Lupton D. Digital sociology. N.Y., 2015.

Мартыненко Т.С. Теория глобального социального неравенства в социологии мобильностей Джона Урри // Социология. 2015. № 1. С. 85–91.

Норицугу У. Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегии. 2017. № 4. С. 2–11.

Осинов Г.В. Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации. СПб., 2016.

Полякова Н.Л. Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 29–46.

Пригожин И.Г. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск, 2000.

Урри Д. Как выглядит будущее? М., 2018.

Урри Д. Мобильности. М., 2012.

Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.

Шеллер М. Новая парадигма мобильностей в современной социологии // Социологические исследования. 2016. Т. 3–11. № 7.

Шенцева Е.А. Понятие “сеть” как объект философского осмысления // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия “Философия”. 2011. Т. 2. № 2. С. 147–156.

REFERENCES

Chayko M. Superconnected: the Internet, digital media, and techno-social life. Newbury Park, 2017.

Dijk van J.A. The network society: social aspects of new media. Newbury Park, 2006.

Elliott A., Urry J. Mobile Lives // Mobile Lives. L.; N.Y., 2010.

Idrisov G.I. i dr. Novaya tekhnologicheskaya revolyutsiya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii [New technological revolution: Challenges and opportunities for Russia] // Voprosy ekonomiki. 2018. N 4. S. 5–25 (in Russian).

Khalin V.G., Chernova G.V. Tsifrovizatsiya i ee vliyaniye na rossiiskuyu ekonomiku i obshchestvo: preimushchestva, vyzovy, ugrozy i riski [Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks] // Upravlencheskoe konsul'tirovaniye [Administrative Consulting]. 2018. N 10. P. 46–63 (in Russian).

Khanna P. Connectography: mapping the future of global civilization. N.Y., 2016.

Kimelev Yu.A. Sotsiologiya Dzhona Urri [John Urry's Sociology] // Sotsiologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]. 2001. Vol. 1. N 1. P. 25–35 (in Russian).

Knyagin V.N. i dr. Novaya tekhnologicheskaya revolyutsiya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii [New technological revolution: Challenges and opportunities for Russia]. Ekspertno-analiticheskii doklad. M., 2017 (in Russian).

Kravchenko S.A. Igraizatsiya rossiiskogo obshchestva (K obosnovaniyu novoi sotsiologicheskoi paradigmy) // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2002. N 6. P. 143–155 (in Russian).

Kravchenko S.A. Sotsiologicheskaya “strelya vremeni” v XXI veke: innovatsii v materialakh Vsemirnykh sotsiologicheskikh kongressov [The sociological “arrow of time” in the XXI century: innovations in materials from Global sociology conventions] // Vestnik Instituta sotsiologii. 2018. Vol. 9. N 4. P. 84–104 (in Russian).

Lupton D. Digital sociology. N.Y., 2015.

Martynenko T.S. Teoriya global'nogo sotsial'nogo neravenstva v sotsiologii mobil'nostei Dzhona Urri [Theory of global social inequality in the sociology of mobility by John Urry] // Sotsiologiya [Sociology]. 2015. № 1. P. 85–91 (in Russian).

McAfee A., Brynjolfsson E. Machine, platform, crowd: harnessing our digital future. N.Y., 2017.

McAfee A., Brynjolfsson E. The Second Machine Age: work, progress, and prosperity in a time of brilliant technologies. N.Y., 2016.

Negroponte N. Being digital. Kent, 1995.

Noritsugu U. Obshchestvo 5.0: vzglyad Mitsubishi Electric [5.0 Society from Mitsubishi Electric perspective] // Ekonomicheskie strategii [Economic Strategies]. 2017. N 4. P. 2–11 (in Russian).

Osipov G. V. Sotsiologicheskaya nauka v usloviyakh stanovleniya tsifrovoy tsivilizatsii [Sociological science in the development of digital civilization]. SPb., 2016 (in Russian).

Polyakova N. L. Novye teoreticheskie perspektivy v sotsiologii nachala XXI v. [New theoretical perspectives in sociology at the beginning of the 21st century] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2015. N 2. P. 29–46 (in Russian).

Prigogine I. Konets opredelennosti. Vremya, khaos i novye zakony prirody [The end of certainty. Time, chaos and new laws of nature]. Izhevsk, 2000 (in Russian).

Rainie H., Wellman B. Networked: the new social operating system. Cambridge, 2012.

Schwab K., Davis N. Shaping the Fourth Industrial Revolution. N.Y., 2018.

Sheller M. Novaya paradigma mobil'nosti v sovremennoi sotsiologii [The new mobility paradigm in modern sociology] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2016. Vol. 3–11. N 7 (in Russian).

Shentseva E. A. Ponyatie "set" kak ob"ekt filosofskogo osmysleniya [The concept of "network" as a subject of philosophical understanding] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Seriya "Filosofiya". 2011. Vol. 2. N 2. P. 147–156 (in Russian).

Triple Revolution: cybernation. Weaponry. Human Rights // Liberation. 1964. C. 9–15. URL: http://www.educationanddemocracy.org/FSCfiles/C_CC2a_TripleRevolution.htm (accessed: 05.05.2019).

Urry J. Global complexity. Cambridge; Oxford, 2003.

Urry J. Kak vyglyadit budushchee? [What is the Future] M., 2018 (in Russian).

Urry J. Mobil'nosti [Mobilities]. M., 2012 (in Russian).

Vasilkova V. Seti v sotsial'nom poznanii: ot metafory k metateorii [Networks in social knowledge: from metaphor to metatheory] // Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2012. Vol. 15. N 5. P. 11–24 (in Russian).

Vershinina I. A., Dobrinskaya D. E. Pax urbanica: goroda v usloviyakh global'noi setevoi tsivilizatsii [Pax Urbanica: cities in global network civilization] // Informatsionnoe obshchestvo [Information society]. 2018. N 1. P. 25–33 (in Russian).

Wallerstein I. Konets znakomogo mira: sotsiologiya XXI veka [The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century]. M., 2004 (in Russian).

Wallerstein I. Open the social sciences: report of the Gulbenkian commission on the restructuring of the social sciences. Stanford, 1996.